

Роль алекситимии и когнитивной регуляции эмоций в развитии агрессивного поведения подростков

Ларионов П.М.

Университет Казимира Великого, г. Быдгощ, Республика Польша

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4911-3984>, e-mail: pavlm@outlook.com

Гречуха И.А.

Житомирский государственный университет имени Ивана Франко, г. Житомир, Украина

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1704-4320>, e-mail: irinagreczucha@gmail.com

---

В статье рассмотрена роль когнитивной регуляции эмоций и отдельных алекситимических черт в возникновении агрессивного поведения у подростков. Предполагается, что алекситимические черты посредством формирования неадаптивной регуляции эмоций обуславливают агрессию. С целью изучения данного механизма были исследованы 142 подростка в возрасте 12–17 лет. В качестве методов исследования использовались опросники когнитивной регуляции эмоций, алекситимии для детей и опросник агрессии ВРАQ А. Басса и М. Перри. Обнаружено, что использование неадаптивных стратегий регуляции эмоций является наиболее значимым фактором развития агрессивного поведения. Подтверждено, что сниженная способность определять свои чувства связана с риском формирования неадаптивных стратегий регуляции эмоций, что в свою очередь усиливает агрессию. В качестве predisponирующих к агрессии особенностей личности подростка можно отнести склонность к катастрофизации и руминированию, острому и длительному переживанию стрессовых событий, а также проявление враждебности. Эти особенности дисфункциональной регуляции эмоций могут являться мишенями в психотерапевтической работе, и на них также следует обратить особое внимание при проведении психопрофилактики агрессивного поведения подростков.

Ключевые слова: агрессивное поведение, регуляция эмоций, алекситимия, подростки, агрессия, когнитивные копинг-стратегии, катастрофизация, руминация, фактор риска, психопрофилактика.

Благодарности. Авторы выражают благодарность к психол. н. Е.К. Агеенковой за критические замечания к работе.

Для цитаты: Ларионов П.М., Гречуха И.А. Роль алекситимии и когнитивной регуляции эмоций в развитии агрессивного поведения подростков [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9. № 4. С. 57–98. DOI: 10.17759/cpse.2020090404

Введение

Рассматривая сквозь призму истории проблему агрессии подростков, можно отметить, что к настоящему времени представлено множество теорий агрессии, описывающих природу, формы, функции и механизмы ее формирования [31]. Несмотря на научные достижения, эта проблема не перестала волновать умы современных исследователей; наоборот, научно-практический интерес к подростковой агрессии только возрастает. Это связано в первую очередь с распространением в современном обществе явления, которое можно обозначить как «культура насилия» [12]. Оно отражается в жизни людей в виде высокого уровня противоправных действий в общественной среде, в том числе школьной [47], и связано с появлением и распространением таких форм насилия, как буллинг (школьное насилие), колумбайн (массовые убийства в школах), скулшутинг (вооруженное нападение учащегося или постороннего лица на школьников внутри учебного заведения) [11; 12; 15; 27]. Таким образом, перед представителями психологической науки возникают новые вопросы. Наиболее важными из них являются поиск предрасполагающих к агрессии личностных факторов, изучение социально-психологических факторов, провоцирующих возникновение агрессивных реакций, а также поиск адекватных методов оказания психологической помощи молодым людям, склонным к агрессивному поведению. Реализация этих задач является важным и необходимым шагом для построения здорового общества [27].

Данная работа посвящена рассмотрению личностных факторов подростковой агрессии. Согласно фрустрационной теории Л. Берковица, возникновение агрессии связано с вызывающими психоэмоциональное напряжение стрессорами, особенности когнитивной оценки которых играют определяющую роль в формировании агрессивных реакций [4]. Е.К. Агеенкова и соавторы обнаружили, что подростки реагируют агрессивно не только на фрустрирующие факторы, но и, наблюдая за окружающей действительностью, могут испытывать агрессию к проявляющим неподобающее поведение людям, например, вандалам, садистам, желающим пройти без очереди [2]. Несмотря на то, что некоторые авторы склонны считать современных подростков ответственными в «снижении „планки“ духовных ценностей, пренебрежении позитивными социокультурными целями» [17, с. 106], было выявлено, что подростки осознают свое неправильное поведение по отношению к учителям, родителям и друзьям, испытывают чувства вины и стыда, а эти переживания могут носить аутоагрессивный характер [2]. Таким образом, лица подросткового возраста в процессе своего становления остро переживают некоторые стороны внешнего и внутреннего мира, сталкиваются с негативными и стрессовыми ситуациями, реакция на которые во многом определяет их психологическое благополучие. Исходя из этого, изучение связанных с агрессией процессов регуляции эмоций (РЭ) является важным направлением научно-практических исследований подростковой агрессии в нашем культурном пространстве.

Неадаптивная когнитивная РЭ как фактор риска агрессии у подростков

Исследователи отмечают, что агрессивное поведение является несовершенной формой совладания с негативно окрашенным эмоциональным возбуждением ввиду

наличия трудностей с РЭ [45]. РЭ понимается как система осознаваемых и неосознаваемых психических процессов управления эмоциональным опытом [19]. При использовании различных психодиагностических инструментов было обнаружено, что агрессия у взрослых [34; 36] и детей [38] связана с дисфункциональной РЭ [43]. L. Rey и N. Extremera отмечают, что использование таких стратегий РЭ, как самообвинение и руминация, предрасполагает к физической и вербальной агрессии у мальчиков [41]. По мнению российских исследователей Н.А. Польской и Н.В. Власовой, неадаптивные стратегии РЭ, такие как руминация, самообвинение и обвинение других, играют важную роль в возникновении аутодеструктивных форм поведения и психопатологической симптоматики у подростков и молодых лиц в возрасте от 13 лет до 21 года [22; 23].

Исследование когнитивной РЭ и ее взаимосвязи с агрессией является перспективным подходом ввиду наличия возможностей для корректировки процессов РЭ в процессе оказания психологической помощи. Однако до сих пор неясна роль алекситимии как связанной с процессами РЭ личностной особенности [39].

Конструкт алекситимии и ее составляющие

Конструкт алекситимии является многомерным, так как состоит из различных личностных особенностей, характеризующих *эмоциональный (аффективный)* и *когнитивный* компоненты алекситимии, в основе которых лежат различные нейропсихологические механизмы [49]. *Аффективный* компонент алекситимии представлен низкой эмоциональной возбудимостью, сниженной способностью к символизации, бедностью фантазии и воображения. *Когнитивный* компонент алекситимии выражается в трудностях с определением (идентификацией) чувств и эмоций, в сниженной способности или затрудненности в вербализации собственных эмоциональных состояний, связан с затруднениями в разграничении чувств и телесных ощущений, а также характеризуется утилитарным способом мышления и фокусированием в большей мере на внешних событиях, чем на внутренних переживаниях [7; 49]. Причины развития алекситимии еще до конца не выяснены. Исследователи склонны считать, что существуют две формы алекситимии: первичная (генетически обусловленная, необратимая) и вторичная (сформированная в ходе жизни, обратимая), однако научного консенсуса по этому поводу до сих пор нет [7; 8]. Наиболее вероятно, что основные трудности при исследовании происхождения алекситимии связаны с многомерностью самого конструкта алекситимии.

Алекситимия является неспецифическим фактором риска психосоматических расстройств и затрудняет психосоциальную адаптацию личности [10] ввиду наличия когнитивной дефицитарности и слабой дифференцированности эмоций [25]. Следует обратить внимание, что алекситимия не является психопатологической чертой личности, а сам конструкт алекситимии, по словам Б.Д. Карвасарского, подвергался критике из-за его нерелевантности [16]. Е.К. Агеенкова и П.М. Ларионов отмечают, что конструкт алекситимии включает в себя многомерные характеристики, с помощью которых сложно понять внутриличностные процессы, связанные с возникновением заболеваний психосоматической природы [1]. Наиболее известным опросником алекситимии является Торонтская шкала алекситимии (TAS-20), состоящая из трех

подшкал: трудности в идентификации чувств (ТИЧ), трудности с описанием чувств другим людям (ТОЧ) и внешне-ориентированный (экстернальный) тип мышления (ВОМ). Следует подчеркнуть, что опросник TAS-20 фиксирует *когнитивный* компонент алекситимии [29].

Российская исследовательница Е.Ю. Брель отмечает, что сильная тревожность и высокая агрессия наряду со сниженными эмпатийными способностями являются психологическими компонентами алекситимического пространства личности [5]. На выборке подростков и молодых лиц от 12 до 20 лет при использовании опросника агрессии Басса–Дарки и Торонтской шкалы алекситимии были обнаружены статистически значимые положительные корреляции алекситимии с физической агрессией, раздражением и обидой, но не обнаружена связь алекситимии с косвенной и вербальной агрессией, негативизмом, подозрительностью и чувством вины [5; 6]. Другие исследователи подчеркивают, что подростки с высоким уровнем алекситимии характеризуются высоким уровнем враждебности [30].

Связь алекситимии с когнитивной РЭ

По мнению Н.А. Польской и А.Ю. Развальяевой, которые провели крупный теоретический обзор исследований, неадаптивный копинг и алекситимия являются конструктами, «отражающими работу личности с эмоциональными переживаниями или нарушения в протекании этих переживаний» [24, с. 72]. При исследовании особенностей РЭ у лиц с высоким уровнем алекситимии было обнаружено, что они склонны в большей мере, чем лица с нормальным уровнем алекситимии, к подавлению экспрессии [46], т.е. к сдерживанию внешних проявлений уже возникшего эмоционального ответа [20]. Высокоалекситимичные лица в меньшей мере склонны к использованию адаптивной стратегии РЭ – когнитивной переоценки (cognitive reappraisal) – и характеризуются более низким уровнем эмпатии, чем неалекситимичные лица [46]. Различная степень выраженности алекситимии и ее форм определяет неоднородный характер уровня тревожности, депрессивных симптомов и дисфункциональности РЭ у алекситимичных лиц [33]. У девочек-подростков алекситимические черты способствуют усилению симптомов депрессии и тревоги [48]. Алекситимия предрасполагает к использованию неадаптивных стратегий РЭ у девочек подросткового возраста с нервной анорексией и депрессией, но не играет роль предиктора адаптивных стратегий РЭ [44].

Следует отметить, что совладание с жизненными трудностями у взрослых лиц с высоким уровнем алекситимии связано с выбором копинг-стратегий «дистанцирование», «самоконтроль» и «бегство–избегание» (по Р. Лазарусу) [3]. Использование данных стратегий характеризует уход личности от непосредственного переживания эмоций и способствует их подавлению, что отражает характерные особенности алекситимичной личности. Диагностика стратегий психологической защиты у высокоалекситимичных лиц приводит к подобным выводам [9]. Таким образом, алекситимия, выраженная главным образом в затрудненности распознавания чувств и сужении эмоционального опыта, не позволяет личности адекватно регулировать свои эмоциональное состояние и поведение. Это как

непосредственно, так и посредством формирования негативных эмоциональных состояний приводит к развитию психоэмоциональных нарушений [35].

Российские исследователи Л.А. Северьянова, В.В. Плотников и Д.В. Плотников, проведя исследование на крупной выборке молодых лиц 18–22 лет, выяснили, что лица с высоким уровнем алекситимии характеризовались высоким уровнем тревожности, нервно-психической возбудимости, застенчивости, соматовегетативной нестабильности и низкой самооценкой [28]. С помощью методики Э. Хайма эти исследователи обнаружили, что высокоалекситимичные лица склонны использовать неадаптивные копинг стратегии. Л.А. Северьянова и соавторы считают, что алекситимия – это «интегральный психологический феномен, сопрягающий эмоционально-волевые, личностные, ментальные параметры индивидуальности в единое целое» [28, с. 68]. Подобной точки зрения придерживается и Е.Ю. Брель [5]. Суммируя, можно отметить, что алекситимия связана с дефицитом когнитивно-эмоциональной сферы личности, что согласно приведенным выше российским и зарубежным исследованиям может приводить как к деструктивному совладанию с трудностями, так и к агрессивному поведению.

Цель и гипотезы исследования

Целью исследования стали выявление алекситимических черт и особенностей когнитивной РЭ, которые могут играть роль предикторов агрессии, а также изучение механизмов, посредством которых алекситимические черты и нарушения когнитивной РЭ, могут предрасполагать к агрессивному поведению у подростков.

На основе исследований о том, что алекситимия является сильным прогностическим фактором неадаптивных стратегий РЭ, А. Sfärlea и другие предположили, что алекситимические черты ответственны за неадаптивную когнитивную РЭ, которая может приводить к агрессии [44]. Поскольку алекситимия представляет собой многомерный конструкт, неправомерно делать обобщение, что все измерения являются прогностическими факторами дисфункциональной РЭ и агрессивного поведения. В данном исследовании была проверена гипотеза о том, что алекситимия или же ее отдельные измерения посредством формирования неадаптивной РЭ обуславливают агрессивное поведение подростков. Предполагается, что при наличии *когнитивных дефицитов, вызванных алекситимией, а именно трудностей с пониманием собственного эмоционального опыта* (высокий уровень показатели по ТИЧ), подросток будет склонен использовать *неадаптивные когнитивные стратегии РЭ*, что будет предрасполагать к развитию *агрессии*.

Методы исследования

1. Опросник диагностики агрессии ВРАQ А. Басса и М. Перри в адаптации С.Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского, который позволяет количественно оценить уровень агрессии и ее отдельных форм – физической агрессии, гнева и враждебности. ВРАQ содержит 24 утверждения, которые предлагается оценить по пятибалльной шкале от 1 («очень на меня не похоже») до 5 («очень на меня похоже») [13].

2. Опросник когнитивной регуляции эмоций (ОКРЭ, Cognitive Emotion Regulation Questionnaire – CERQ), который позволяет оценить частоту использования 9 когнитивных стратегий РЭ (когнитивных копинг-стратегий), среди которых присутствуют как адаптивные (принятие, позитивная перефокусировка, фокусирование на планировании, позитивная переоценка и рассмотрение в перспективе), так и неадаптивные стратегии (самообвинение, руминация, катастрофизация и обвинение других). ОКРЭ содержит 36 утверждений (по 4 на каждую стратегию), которые предлагается оценить по пятибалльной шкале от 1 («никогда») до 5 («почти всегда») [26].

3. Опросник алекситимии для детей (Alexithymia Questionnaire for Children [42]), примененный О.Р. Есиным с соавторами при исследовании подростков с головной болью [14]. Опросник является упрощенной версией TAS-20 и состоит из 20 утверждений, которые необходимо оценить по шкале «неверно», «иногда верно» и «обычно верно». Опросник состоит из трех подшкал, идентичных TAS-20 и представленных в статье выше. Согласно данным разработчиков теста С. Rieffe и др., лишь подшкалы ТИЧ и ТОЧ показывают хороший уровень внутренней согласованности альфа Кронбаха (0,73 и 0,75 соответственно), а WOM характеризуется низкой надежностью – 0,29 [42].

Выборка и процедура исследования

В исследовании приняли участие 142 подростка в возрасте 12–17 лет ($M=15,4$, $SD=1,03$), среди них 102 девочки и 40 мальчиков. Исследование проводилось в Житомирском областном лицее-интернате для одаренных детей Житомирского областного совета, в Житомирской городской гуманитарной гимназии № 23 им. М. Очерета, в лицее № 25 г. Житомира, в общеобразовательной школе I-III ступеней № 26 г. Житомира, в общеобразовательной школе I-III ступеней № 28 г. Житомира им. гетмана И. Выговского и в подростковом клубе «Ровесник» городского культурно-спортивного центра Житомирского городского совета с января по февраль 2020 года.

Исследование проводилось в соответствии с политикой проведения научных исследований в Украине. Для проведения исследовательского проекта были получены согласия руководства учебных заведений и родителей исследуемых подростков. Исследование было добровольным, анонимным и соответствовало принципу конфиденциальности научных исследований. Среди социально-демографических переменных участники исследования сообщали лишь пол и возраст. Респонденты индивидуально в формате «карандаш–бумага» заполняли специальные стандартизированные диагностические бланки опросников ВРАQ, ОКРЭ и опросника алекситимии для детей. Инструкции к каждой методике были в письменном виде представлены в бланках опросников, а также предоставлялись устно исследователем. Время заполнения опросников не было регламентировано. В среднем заполнение одной методики исследуемым занимало не более 10 минут. Заполнение всех методик всеми участниками заняло не более 30 минут.

Статистический анализ был проведен с использованием программ Statistica v. 13.3 и PROCESS macro для SPSS [37]. Применялись методы описательной статистики,

корреляционный анализ Спирмена, критерий Манна–Уитни, множественный регрессионный анализ, анализ медиации с корректировкой бутстрэп-методом с 10000 итераций (техника bias correction), расчет коэффициента альфа Кронбаха, тест Собела [40].

Результаты исследования

В приложении 1 представлены результаты сравнительного анализа степени использования стратегий РЭ, уровня агрессии и алекситимии у мальчиков и девочек, а также коэффициенты альфа Кронбаха (α), рассчитанные для шкал опросников в данном исследовании. Надежность большинства шкал была высокой, кроме некоторых подшкал из опросника ОКРЭ и шкалы ВОМ из опросника алекситимии. С учетом того, что подшкалы ОКРЭ включают в себя по 4 вопроса, а само исследование было проведено среди подростков и не являлось клиническим, относительно невысокую надежность некоторых подшкал ОКРЭ можно считать достаточной. В данном исследовании подшкала ВОМ показала низкую надежность, однако это не является артефактом.

Следует отметить, что разработчики теста алекситимии для детей столкнулись с трудностями при проверке надежности подшкалы ВОМ, в связи с этим рекомендовали осторожно интерпретировать результаты по этой подшкале [42].

За исключением того, что мальчики характеризуются бóльшим уровнем физической агрессии по сравнению с девочками ($p=0,006$), а девочки более склонны к руминации в сравнении с мальчиками ($p=0,003$), отличий по анализируемым параметрам между группами не было обнаружено (использован критерий Манна–Уитни; см. приложение 1).

Проверка нормальности распределения всех включенных в анализ переменных проводилась с помощью метода оценки коэффициентов асимметрии и эксцесса. Было обнаружено, что эти показатели по шкале катастрофизации выходят за пределы допустимых значений (-1; 1). В связи с этим корреляционный анализ был проведен с помощью непараметрического критерия Спирмена. Следует отметить, что среди неадаптивных стратегий РЭ руминация и катастрофизация в большей мере связаны с агрессией и подшкалами алекситимии (табл. 1).

Особо интересны данные, касающиеся нескольких стратегий РЭ. Например, самообвинение положительно коррелирует с враждебностью ($r_s=0,25$), а адаптивная стратегия принятия положительно связана с гневом ($r_s=0,23$). Несколько парадоксально выглядит практически полное отсутствие связи обвинения других с агрессией. Адаптивные стратегии фокусирования на планировании и позитивной переоценки, равно как и неадаптивная стратегия руминации, отрицательно коррелируют с ВОМ ($p<0,001$).

В целом можно отметить, что адаптивные стратегии не связаны с агрессией, а неадаптивные стратегии, кроме обвинения других, характеризуются достаточно сильной положительной связью с агрессией и ее формами.

Таблица 1

Корреляции стратегий РЭ с агрессией, алекситимией и их формами

Переменные	Коэффициент корреляции Спирмена							
	ФА	Гн	В	Аг	ТИЧ	ТОЧ	ВОМ	Ал
Самообвинение	-0,11	0,17	0,25*	0,13	0,34**	0,15	-0,27**	0,13
Принятие	0,07	0,23*	0,19	0,21	0,14	-0,01	-0,17	0,00
Руминация	0,04	0,36**	0,46**	0,36**	0,42**	0,26*	-0,36**	0,19
Позитивная перефокусировка	-0,02	0,14	0,01	0,05	0,01	-0,11	-0,14	-0,07
Фокусирование на планировании	-0,15	0,08	-0,06	-0,05	0,03	-0,17	-0,35**	-0,16
Позитивная переоценка	-0,21	0,00	-0,21	-0,15	-0,10	-0,20	-0,33**	-0,26*
Рассмотрение в перспективе	0,00	0,08	0,08	0,05	0,21	0,05	-0,02	0,18
Катастрофизация	0,30**	0,44**	0,53**	0,50**	0,41**	0,08	0,06	0,28**
Обвинение других	0,10	0,10	0,11	0,13	-0,04	-0,11	0,10	0,02
Неадаптивные стратегии	0,14	0,44**	0,54**	0,46**	0,50**	0,22	-0,23*	0,27**
Адаптивные стратегии	-0,08	0,17	0,00	0,04	0,07	-0,12	-0,29**	-0,10

Примечания. ФА – физическая агрессия, Гн – гнев, В – враждебность, Аг – интегральная шкала агрессии, ТИЧ – трудности в идентификации чувств, ТОЧ – трудности с описанием чувств другим людям, ВОМ – внешне-ориентированный (экстернальный) тип мышления, Ал – интегральная шкала алекситимии. * – $p < 0,01$; ** – $p < 0,001$.

Результаты корреляционного анализа показывают, что агрессия и ее формы, в особенности враждебность, связаны с алекситимией. Враждебность в большей мере, чем другие формы агрессии, связана с алекситимией и ее подшкалами (табл. 2).

Подшкала алекситимии ВОМ не связана с другими измерениями алекситимии и с формами агрессии, за исключением физической агрессии. Это позволяет предположить, что ВОМ является автономным компонентом конструкта алекситимии. Можно отметить, что подшкала ТИЧ в большей мере, чем ТОЧ и ВОМ, связана со гневом и враждебностью, а также с общим показателем агрессии.

Таблица 2

Корреляции агрессии и ее форм с алекситимией и ее подшкалами

Переменные	Коэффициент корреляции Спирмана							
	ФА	Гн	В	Аг	ТИЧ	ТОЧ	ВОМ	Ал
Физическая агрессия (ФА)	-	0,51**	0,41**	0,79**	0,19	0,15	0,27*	0,27*
Гнев (Гн)	0,51**	-	0,54**	0,84**	0,34**	0,19	-0,04	0,25*
Враждебность (В)	0,41**	0,54**	-	0,77**	0,54**	0,29**	-0,03	0,40**
Агрессия (Аг)	0,79**	0,84**	0,77**	-	0,42**	0,27*	0,08	0,37**
ТИЧ	0,19	0,34**	0,54**	0,42**	-	0,49**	-0,01	0,77**
ТОЧ	0,15	0,19	0,29**	0,27*	0,49**	-	0,13	0,78**
ВОМ	0,27*	-0,04	-0,03	0,08	-0,01	0,13	-	0,46**
Алекситимия (Ал)	0,27*	0,25*	0,40**	0,37**	0,77**	0,78**	0,46**	-

Примечания. ТИЧ – трудности в идентификации чувств, ТОЧ – трудности с описанием чувств другим людям, ВОМ – внешне-ориентированный (экстернальный) тип мышления. * – $p < 0,01$; ** – $p < 0,001$.

С целью определения стратегий РЭ и форм алекситимии, способных предсказать уровень агрессии, был проведен множественный регрессионный анализ методом последовательного исключения. Как было отмечено выше, переменная Катастрофизация имеет распределение, отличное от нормального. Был проведен анализ особенностей распределения данной переменной. В итоге из дальнейшего статистического анализа были исключены данные двух исследуемых, формирующих «выбросы». Таким образом, численность анализируемой выборки при проведении серий множественного регрессионного анализа уменьшилась на 2 и составила $N=140$.

В качестве независимых переменных выступили адаптивные и неадаптивные стратегии РЭ и три подшкалы алекситимии, а зависимой переменной был общий уровень агрессии. В результате пошагового исключения переменных, не являющихся статистически значимыми предикторами агрессии, была получена регрессионная модель, которая включала два предиктора: катастрофизацию и ТИЧ (табл. 3). Катастрофизация ($\beta=0,42$) является наиболее сильным предиктором агрессии по сравнению с ТИЧ ($\beta=0,25$). Коэффициент детерминации модели составляет $R^2=0,317$, таким образом, она объясняет 31,7% вариабельности агрессии, что является очень высоким показателем, учитывая, что в модели присутствуют только два предиктора. Это свидетельствует о важной роли данных переменных как предикторов агрессии. Таким образом, чем больше для подростка характерны трудности с пониманием собственного эмоционального опыта и чем больше подросток воспринимает

негативные ситуации как глобальные происшествия, несущие серьезные отрицательные последствия, тем больше у него выражена склонность к агрессии.

Таблица 3

Модель предикции агрессии

Переменные	F(2, 137)=31,7; p<0,001; R ² =0,317					
	β	Ст. ошибка β	b	Ст. ошибка b	t(137)	p
Свободный член			37,799	3,261	11,592	<0,001
Катастрофизация	0,419	0,077	2,250	0,412	5,466	<0,001
ТИЧ	0,247	0,077	1,188	0,369	3,219	0,002

Примечания. ТИЧ – трудности в идентификации чувств, ст. ошибка – стандартная ошибка, β – стандартизированный коэффициент бета, b – нестандартизированный коэффициент b.

С целью определения измерений алекситимии, способных предсказать использование неадаптивных и адаптивных стратегий РЭ, был проведен множественный регрессионный анализ методом последовательного исключения (табл. 4). В результате пошагового исключения статистически незначимых предикторов было обнаружено, что с увеличением показателей ВОМ снижаются показатели использования адаптивных стратегий РЭ (β=-0,28). Регрессионная модель хорошо согласована, однако коэффициент детерминации достаточно низок R²=0,076, поэтому такая модель мало пригодна для объяснения роли ВОМ при рассмотрении процессов РЭ.

Таблица 4

Модель предикции адаптивных стратегий РЭ

Переменная	F(1, 138)=11,292; p<0,001; R ² =0,076					
	β	Ст. ошибка β	b	Ст. ошибка b	t(138)	p
Свободный член			65,363	2,266	28,850	<0,001
ВОМ	-0,275	0,082	-1,276	0,380	-3,360	0,001

Примечания. ВОМ – внешне-ориентированный (экстернальный) тип мышления, ст. ошибка – стандартная ошибка, β – стандартизированный коэффициент бета, b – нестандартизированный коэффициент b.

При построении регрессионной модели предикции неадаптивных стратегий РЭ, где в качестве независимых переменных выступили показатели алекситимии, обнаружено, что только ТИЧ является статистически значимым предиктором (β=0,47), а ТОЧ и ВОМ были исключены из анализа как незначимые предикторы.

Такая модель хорошо согласована и способна объяснить 22,3% вариабельности неадаптивных стратегий РЭ. Коэффициент детерминации в данной модели является очень высоким, учитывая лишь один предиктор в модели. Это свидетельствует о том, что неспособность подростка понять свои собственные эмоции является сильным прогностическим фактором использования неадаптивных стратегий когнитивной РЭ (табл. 5).

Таблица 5

Модель предикции неадаптивных стратегий РЭ

Переменная	F(1, 138)=39,629; p<0,001; R ² =0,223					
	β	Ст. ошибка β	b	Ст. ошибка b	t(138)	p
Свободный член			32,982	1,236	26,695	<0,001
ТИЧ	0,472	0,075	1,253	0,199	6,295	<0,001

Примечания. ТИЧ – трудности в идентификации чувств, ст. ошибка – стандартная ошибка, β – стандартизированный коэффициент бета, b – нестандартизированный коэффициент b.

Изучение механизмов РЭ, посредством которых можно объяснить уровень агрессии, было осуществлено с помощью анализа медиации, основанного на многофакторном регрессионном анализе [37]. Была проверена гипотеза о том, что алекситимия, в частности показатель ТИЧ, может способствовать дисфункциональной РЭ, тем самым содействуя росту агрессии. В приложении 2 представлено несколько серий регрессионного анализа, касающихся анализа медиации. Графическое изображение данной регрессионной модели представлено на рисунке 1.

Анализ медиации был проведен по трехшаговому алгоритму согласно подходу, представленному R.M. Baron и D.A. Kenny [32]. На первом шаге была построена модель регрессии, подтверждающая наличие положительной зависимости между слабым пониманием собственного опыта и агрессией ($\beta=0,41$, $p<0,001$). На втором шаге была проанализирована зависимость между независимой переменной (слабое понимание собственного эмоционального опыта) и медиатором, в роли которого выступили неадаптивные стратегии РЭ. Анализ показал, что слабое понимание собственных эмоций положительно связано с использованием неадаптивных когнитивных стратегии РЭ ($\beta=0,47$, $p<0,001$). Третий шаг включал в себя введение в модель регрессии одновременно независимой переменной и медиатора. Обнаружено, что при введении медиатора в модель сила связи между слабым пониманием собственного эмоционального опыта и агрессией уменьшается с $\beta=0,41$ до $\beta'=0,28$, в то время как медиатор статистически значимо положительно связан с агрессией ($\beta=0,27$, $p<0,01$). Таким образом наблюдается частичный опосредующий эффект неадаптивной когнитивной РЭ на связь слабого понимания собственного эмоционального опыта с агрессией. Проверка достоверности эффекта медиации с помощью теста Собеда [40] подтверждает его статистическую значимость

и наличие частичного медиационного эффекта ($Z=2,895$, $p=0,004$). Также с помощью процедуры проверки достоверности эффекта медиации – корректировки бутстрэп-методом с 10000 итераций и расчета 95% доверительных интервалов (ДИ) с применением техники bias correction – был проверен опосредующий (медиационный) эффект, который оказался статистически значимым (indirect effect (IF)=0,616, standard error (IF)=0,219, $p=0,005$; 95% ДИ: 0,250; 1,109). На основе совокупности проведенных процедур анализа можно сделать вывод, что неадаптивные стратегии РЭ частично опосредуют связь слабого понимания собственных эмоций с агрессией.

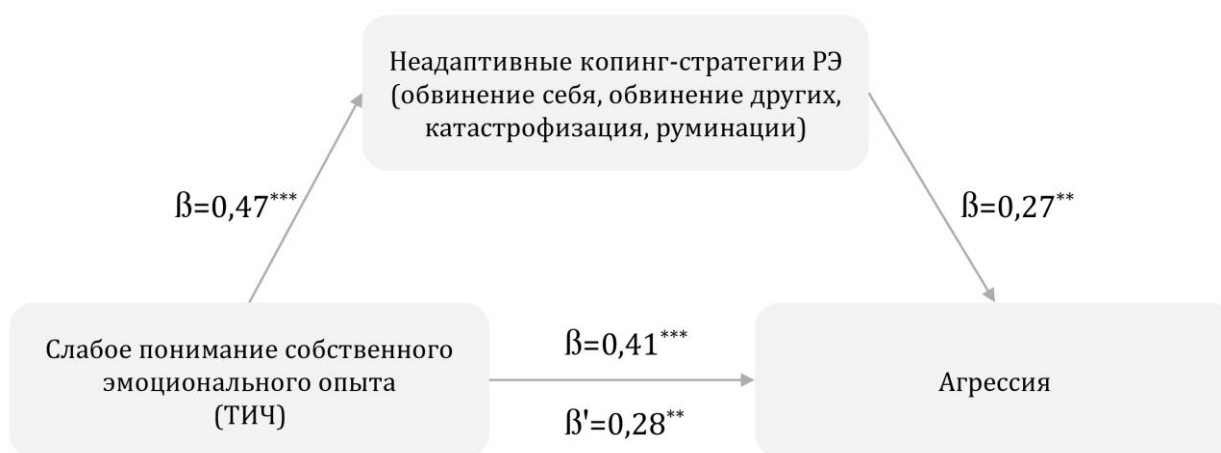

Рис. 1. Регрессионная модель медиации

Примечания. ** – $p<0,01$, *** – $p<0,001$; β – стандартизированный коэффициент бета; β' – стандартизированный коэффициент бета для зависимости между ТИЧ и агрессией со включенным в модель регрессии медиатором (неадаптивные когнитивные стратегии РЭ).

Обсуждение результатов

На основе проведенного исследования можно заключить, что дисфункциональная РЭ, выраженная в виде усиленного использования неадаптивных стратегий РЭ вкупе с алекситимическими чертами, является фактором риска агрессивного поведения у подростков. На уровень агрессии оказывают влияние лишь неадаптивные стратегии РЭ, особенно катастрофизация и руминация. Если интерпретация негативных событий, с которыми встречается подросток в своей жизни, принимает катастрофический характер, такое переживание с большой долей вероятности связано с сильной фрустрацией и внутренним напряжением, что может провоцировать агрессивное поведение у подростка, находящего в невыносимой для него ситуации.

Неадаптивные стратегии РЭ и их роль в развитии агрессии у подростков.

С практической точки зрения при проведении психологического консультирования подростков с высоким уровнем агрессии, а также тех, кто склонен катастрофизировать и руминировать, основной акцент следует направить на редукцию использования неадаптивных стратегий РЭ, в особенности

катастрофизации и руминации. Следует отметить исследования Н.А. Польской, в которых отмечено, что эмоциональная дисрегуляция является предиктором также аутоагрессивного поведения подростков [21]. Хотелось бы отметить, что руминация приобрела характер не просто отдельной стратегии РЭ в концепции Н. Гарнефски с соавторов [26], но и стала самостоятельным психологическим конструктом. Расширение представлений о руминации выглядит обоснованным, так как руминацию скорее можно рассматривать не только как стратегию РЭ, но и как процесс более высокого порядка, связанный с застреванием («заикливанием») на чем-либо. Таким образом, возникают два связанных между собой вопроса: руминирует ли человек и с чем связана его руминация? Ответы на эти вопросы определяют последствия для психологического функционирования человека.

Отдельные алекситимические черты как предикторы агрессии у подростков. Хотелось бы отметить, что ТИЧ как компонент алекситимии, выраженный в трудностях с пониманием собственного эмоционального опыта и отражающий дефицит когнитивно-эмоциональной сферы, является основополагающей характеристикой конструкта алекситимии, образуя его ядро. Другие два измерения алекситимии вряд ли можно назвать релевантными. Оценка сознательно фиксируемых респондентом черт, относящихся к подшкале ТОЧ, неоднозначна с методологической точки зрения, а сами вопросы этой подшкалы характеризуются спорным содержанием. Именно сложности с пониманием собственных эмоций (ТИЧ) в большей мере связаны с агрессией и ее формами, чем другие измерения алекситимии.

Неоднозначна роль внешне-ориентированного (экстернального) типа мышления (ВОМ) в агрессивном поведении подростков. Наблюдаемые отрицательные значимые связи ВОМ с руминацией, самообвинением, фокусированием на планировании и позитивной переоценкой предположительно отражают двоякую роль ВОМ. С одной стороны, ВОМ может предотвращать погружение в процесс руминации («мыслительную жвачку») и самообвинения, тем самым уменьшая эмоциональное возбуждение, с другой стороны, чрезмерная ориентация на внешний мир не способствует переоценке проблемы и ее разрешению. Наличие слабой положительной связи ВОМ с физической агрессией ($r_s=0,27$, $p<0,01$) при отсутствии значимых связей ВОМ с гневом, враждебностью и общим показателем агрессии, дает возможность высказать предположение о роли ВОМ в контексте рассмотрения проблемы агрессии. Наиболее вероятно, что внешне-ориентированное мышление позволяет стабилизировать эмоциональное состояние через возможное снижение психоэмоционального напряжения посредством взаимодействия с внешним миром, которое в неблагоприятных случаях может принимать форму физической агрессии. Говорить об адаптивном или неадаптивном характере ВОМ можно лишь сравнивая последствия, которые связаны с усилением или снижением выраженности этой черты. Предположительно, ВОМ в большей мере играет адаптивную роль, защищая психику подростка от неблагоприятного воздействия руминации и самообвинения, хоть и ценой ухода от переоценки проблемы во время совладания с трудностями.

С целью предостережения исследователей от рассмотрения алекситимии как одномерного конструкта, по крайней мере при изучении ее в контексте агрессии,

стоит подчеркнуть, что алекситимия является многомерным конструктом, а ее измерения (подшкалы) неоднородны по своему содержанию, поэтому только анализ отдельных подшкал может быть методологически обоснован.

Изучение стратегий РЭ отражает в какой-то мере статичную модель РЭ, не позволяя изучить степень гибкости эмоциональной регуляции. Алекситимические черты и стратегии РЭ могут играть как адаптивную, так и неадаптивную роль в зависимости от ситуации. Дальнейшее рассмотрение РЭ и ее связи с агрессией может быть существенно раскрыто благодаря изучению флексибельности, которая «рассматривается как специфическая способность личности, позволяющая ей организовывать свою познавательную деятельность и интеллектуальное поведение в зависимости от изменившихся условий» [18, с. 128].

Ограничения исследования

Несмотря на ограничения исследования, к которым можно отнести неравномерное распределение участников по половому признаку, построение корреляционной модели исследования, относительно небольшой (N=140) объем выборки, значимым является вывод, что эмоциональная дисрегуляция, проявляемая в виде сниженной способности к пониманию и определению собственных чувств и эмоций, а также выраженная в виде использования неадаптивных стратегий РЭ, в особенности катастрофизации, является прогностическим фактором агрессивного поведения подростков.

Выводы и заключение

1. Мальчики характеризуются бóльшим уровнем физической агрессии по сравнению с девочками. Девочки более склонны использовать неадаптивную стратегию РЭ – руминацию.

2. Адаптивные стратегии когнитивной РЭ не коррелируют с агрессией, а неадаптивные стратегии, кроме обвинения других, сильно и положительно коррелируют с агрессией и ее формами.

3. Внешне-ориентированный тип мышления является отрицательным предиктором адаптивных стратегий когнитивной РЭ, а трудности с идентификацией чувств являются положительным предиктором использования неадаптивных стратегий когнитивной РЭ.

4. Роль алекситимических черт как предикторов агрессии у подростков неоднородна. Трудности с идентификацией чувств и катастрофизация являются сильными предикторами агрессии у подростков.

5. Неадаптивные стратегии РЭ служат медиатором взаимосвязи между трудностями с пониманием собственных эмоций и агрессией (наблюдается частичный медиационный эффект). Трудности с пониманием своих собственных эмоций у подростка способствуют использованию неадаптивных когнитивных

стратегий совладания со стрессом, что, в свою очередь, предрасполагает к агрессивному поведению.

6. При проведении психопрофилактики агрессивного поведения следует обратить внимание на подростков, которые остро переживают негативные ситуации, склонных к катастрофизации, длительному руминированию и вспоминаящих случившиеся события в негативном ключе, а также проявляющих враждебность. Эти особенности являются предвестниками агрессивного поведения.

Резюмируя полученные результаты, можно отметить, что проведенное исследование согласуется с представлениями как российских, так и зарубежных авторов о роли алекситимии и неадаптивных стратегий РЭ как предикторов агрессивного поведения подростков. В исследовании подтверждена выдвинутая гипотеза о том, что когнитивный дефицит, выраженный в алекситимии и связанный со сложностями с определением и пониманием своих чувств и эмоций, не позволяет подростку адекватно оценить, что происходит в его эмоциональной сфере. Это в свою очередь способствует агрессивному поведению за счет усиления использования неадаптивных когнитивных стратегий РЭ.

Литература

1. Агеенкова Е.К., Ларионов П.М. Новые возможности исследования жизненного сценария в процессе психологического консультирования // Диалог. 2018. Том 50. № 3. С. 18–31.
2. Агеенкова Е.К., Ларионов П.М., Волчек В.А. Личностные детерминанты агрессивности подростков // Психотерапия. 2019. Том 194. № 2. С. 86–94.
3. Акименко А.К. Взаимосвязь алекситимии, копинг-стратегий и стиля саморегуляции личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. Том 16. Вып. 3. С. 311–316. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-311-316
4. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. 512 с.
5. Брель Е.Ю. Алекситимия в норме и патологии: психологическая структура и возможности превенции: автореферат дисс. ... докт. психол. наук. Томск, 2018. 40 с.
6. Брель Е.Ю. Алекситимия в структуре «практически здоровой» личности // Сибирский психологический журнал. 2018. № 67. С. 89–101. DOI: 10.17223/17267080/67/7
7. Брель Е.Ю., Стоянова И.Я. Феномен алекситимии в клинико-психологических исследованиях (обзор литературы) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2017. Том 97. № 4. С. 74–81. DOI: 10.26617/1810-3111-2017-4(97)-74-81

8. Брель Е.Ю., Стоянова И.Я., Чеканова М.О. и др. Проблема алекситимии в контексте медико-психологических исследований. Часть 1. Содержательные характеристики феномена алекситимии в контексте психических и соматических нарушений [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2019. Том 57. № 4. URL: http://medpsy.ru/mprij/archiv_global/2019_4_57/nomer04.php (дата обращения: 02.06.2020).
9. Васильева О.С., Гаус Э.В. Взаимосвязь уровня алекситимии с уровнем психологических защит и составляющими психологического благополучия // Северо-Кавказский психологический вестник. 2017. № 15/1. С. 5–16.
10. Гаус Э.В., Проненко Е.А., Васильева О.С. Мишени психологической работы с людьми, имеющими высокий уровень алекситимии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Том 16. № 1. С. 55–70. DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-1-55-70
11. Гребень Н.Ф. Буллинг среди белорусских подростков и возможности его диагностирования // Адукацыя і выхаванне. 2017. Том 310. № 10. С. 47–53.
12. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. Том 32. № 4. С. 62–76. DOI: 10.11621/prj.2018.0406
13. Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 115–124.
14. Есин О.Р., Горобец Е.А., Хайруллин И.Х. Алекситимия у подростков с головной болью напряжения // Неврологический вестник. 2018. Вып. 4. С. 40–43.
15. Карпов В.О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Том 9. № 4. С. 442–446. DOI: 10.24420/KUI.2018.49.27.001
16. Клиническая психология: Учебник для вузов. 4-е изд. / Под ред. Б.Д. Карвасарского. СПб.: Питер, 2011. 864 с.
17. Меньшикова Т.И. Специфика агрессивного поведения подростков // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2017. № 2. С. 106–115.
18. Осаволук Е.Ю., Кургинян С.С. Когнитивная флексибельность личности: теория, измерение, практика // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Том 15. № 1. С. 128–144. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-1-128-144
19. Падун М.А. Регуляция эмоций и ее нарушения [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Том 8. № 39. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n39/1089-padun39.html> (дата обращения: 02.06.2020).
20. Панкратова А.А., Корниенко Д.С. Русскоязычная адаптация опросника ERQ (Emotion Regulation Questionnaire) Дж. Гросса // Вопросы психологии. 2017. № 5. С. 139–149.

21. Польшая Н.А. Факторы риска и направления профилактики самоповреждающего поведения подростков // Клиническая и специальная психология. 2018. Том 7. № 2. С. 1–20. DOI: 10.17759/psyclin.2018070201
22. Польшая Н.А. Эмоциональная регуляция у подростков с суицидальными попытками и самоповреждениями // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2017. № 2 (Приложение). С. 191–193.
23. Польшая Н.А., Власова Н.В. Аутодеструктивное поведение в подростковом и юношеском возрасте // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Том 23. № 4. С. 176–190. DOI: 10.17759/cpp.2015230411
24. Польшая Н.А., Развальяева А.Ю. Разработка опросника эмоциональной дисрегуляции // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Том 25. № 4. С. 71–93. DOI: 10.17759/cpp.2017250406
25. Потапова Н.А., Грехов Р.А., Сулейманова Г.П., и др. Проблемы изучения феномена алекситимии в психологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки. 2016. Том 16. № 2. С. 65–73.
26. Рассказова Е.И., Леонова А.Б., Плужников И.В. Разработка русскоязычной версии опросника когнитивной регуляции эмоций // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 4. С. 161–179.
27. Реан А.А. Профилактика агрессии и асоциальности несовершеннолетних // Национальный психологический журнал. 2018. Том 30. № 2. С. 3–12. DOI: 10.11621/npj.2018.0201
28. Северьянова Л.А., Плотников В.В., Плотников Д.В. Интегративные основы алекситимии // Ученые записки СПбГМУ им. И.П. Павлова. 2013. Том 20. № 3. С. 65–68.
29. Торонтская шкала алекситимии (20 пунктов): валидизация русскоязычной версии на выборке терапевтических больных / Е.Г. Старостина [и др.] // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. № 4. С. 31–38.
30. Федоренко В.В., Белов В.Г. Соотношение агрессивности, алекситимии и типа поведения у подростков // Мир психологии. 2017. № 1. С. 153–158.
31. Фурманов И.А. Детская агрессивность: психодиагностика и коррекция. Минск: Ильин В.П., 1996. 192 с.
32. Baron R.M., Kenny D.A. The moderator-mediator variable distinction in social psychological research: conceptual, strategic, and statistical considerations // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol. 51. № 6. P. 1173–1182. DOI: 10.1037//0022-3514.51.6.1173
33. Chen J., Xu T., Jing J., et al. Alexithymia and emotional regulation: A cluster analytical approach // BMC Psychiatry. 2011. Vol. 11. № 33. DOI: 10.1186/1471-244X-11-33

34. *Contardi A., Imperatori C., Penzo I., et al.* The association among difficulties in emotion regulation, hostility, and empathy in a sample of young Italian adults // *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol. 7. Article 1068. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.01068
35. *Dubey A., Pandey R.* Mental health problems in alexithymia: Role of positive and negative emotional experiences // *Journal of Projective Psychology & Mental Health*. 2013. Vol 20. № 2. P. 128–136.
36. *Ghabeshi M.B., Ghasemi M., Hashemi H.M.* Moderator effects of cognitive emotion regulation skills on the relationship between aggression and physical health // *Journal of Applied Environmental and Biological Sciences*. 2016. Vol. 6 (3S). P. 273–276.
37. *Hayes A.F.* Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis, Second Edition. New York: Guilford Publications, 2018. 692 p.
38. *Helmsen J., Koglin U., Petermann F.* Emotion regulation and aggressive behavior in preschoolers: The mediating role of social information processing // *Child Psychiatry & Human Development*. 2012. Vol. 43. № 1. P. 87–101. DOI: 10.1007/s10578-011-0252-3
39. *Hemming L., Haddock G., Shaw J., et al.* Alexithymia and its associations with depression, suicidality, and aggression: An overview of the literature // *Frontiers in Psychiatry*. 2019. № 10. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00203
40. *Preacher K.J., Leonardelli G.J.* Calculation for the Sobel test: An interactive calculation tool for mediation tests. URL: <http://quantpsy.org/sobel/sobel.htm> (дата обращения: 01.06.2020).
41. *Rey L., Extremera N.* Physical-verbal aggression and depression in adolescents: The role of cognitive emotion regulation strategies // *Universitas Psychologica*. 2012. Vol. 11. № 4. P. 1245–1254.
42. *Rieffe C., Oosterveld P., Meerum Terwogt M.* An alexithymia questionnaire for children: Factorial and concurrent validation results // *Personality and Individual Differences*. 2006. № 40. P. 123–133. DOI: 10.1016/j.paid.2005.05.013
43. *Robertson T., Daffern M., Bucks R.S.* Emotion regulation and aggression // *Aggression and Violent Behavior*. 2012. Vol. 17. № 1. P. 72–82. DOI: 10.1016/j.avb.2011.09.006
44. *Sfärlea A., Dehning S., Keller L.K., et al.* Alexithymia predicts maladaptive but not adaptive emotion regulation strategies in adolescent girls with anorexia nervosa or depression // *Journal of Eating Disorders*. 2019. № 7. DOI: 10.1186/s40337-019-0271-1
45. *Sołtys M., Grzankowska I.* Emocjonalność rodziców a natężenie zachowań agresywnych u dzieci // *Polskie Forum Psychologiczne*. 2015. Vol. 20. № 2. P. 201–215. DOI: 10.14656/PFP20150204
46. *Swart M., Kortekaas R., Aleman A.* Dealing with feelings: characterization of trait alexithymia on emotion regulation strategies and cognitive-emotional processing // *PLoS ONE*. 2009. № 4. P. 255–262. DOI: 10.1371/journal.pone.0005751

Ларионов П.М., Гречуха И.А.
Роль алекситимии и когнитивной
регуляции эмоций в развитии
агрессивного поведения подростков
Клиническая и специальная психология
2020. Том 9. № 4. С. 57–98.

Larionov P.M., Grechukha I.A.
The Role of Alexithymia and Cognitive Emotion
Regulation in the Development
of Aggressive Behavior in Adolescents
Clinical Psychology and Special Education
2020, vol. 9, no. 4, pp. 57–98.

47. United Nations Children’s Fund. A Familiar Face: Violence in the lives of children and adolescents [Электронный ресурс]. New York: UNICEF, 2017. 96 p. // UNICEF Data and Analytics Section, Division of Data, Research and Policy. URL: <https://www.refworld.org/docid/5a0b00e34.html> (дата обращения: 12.01.2020).

48. *van der Cruijssen R., Murphy J., Bird G.* Alexithymic traits can explain the association between puberty and symptoms of depression and anxiety in adolescent females // PLoS ONE. 2019. Vol. 14. № 1. DOI: 10.1371/journal.pone.0210519

49. *Vorst H.C.M., Bermond B.* Validity and reliability of the Bermond-Vorst Alexithymia Questionnaire // Personality and Individual Differences. 2001. Vol. 30. № 3. P. 413–434. DOI: 10.1016/S0191-8869(00)00033-7.

Приложение 1

Гендерные различия в уровне агрессии, алекситимии и когнитивной РЭ

Переменные	Среднее (станд. откл.)			p
	Вся выборка	Юноши	Девушки	
Самообвинение ($\alpha=0,75$)	11,4 (3,5)	10,9 (3,7)	11,7 (3,4)	0,179
Принятие ($\alpha=0,65$)	11,2 (3,4)	10,8 (3,1)	11,3 (3,5)	0,511
Руминация ($\alpha=0,79$)	12,4 (3,8)	11,0 (3,5)	13,0 (3,8)	0,003*
Позитивная перефокусировка ($\alpha=0,55$)	10,6 (2,9)	10,6 (3,0)	10,7 (2,8)	0,815
Фокусирование на планировании ($\alpha=0,65$)	12,6 (3,2)	12,7 (3,4)	12,5 (3,1)	0,760
Позитивная переоценка ($\alpha=0,71$)	12,8 (3,4)	12,4 (3,4)	13,0 (3,4)	0,267
Рассмотрение в перспективе ($\alpha=0,65$)	11,0 (3,3)	10,5 (3,1)	11,2 (3,4)	0,303
Катастрофизация ($\alpha=0,69$)	8,1 (3,0)	7,9 (2,4)	8,2 (3,2)	0,960
Обвинение других ($\alpha=0,56$)	8,2 (2,4)	9,1 (2,8)	7,9 (2,1)	0,064
Неадаптивные стратегии ($\alpha=0,78$)	40,1 (8,4)	38,8 (8,1)	40,7 (8,5)	0,234
Адаптивные стратегии ($\alpha=0,84$)	58,2 (11,5)	57,0 (11,6)	58,6 (11,4)	0,394
Физическая агрессия ($\alpha=0,81$)	19,1 (6,4)	21,4 (5,4)	18,3 (6,6)	0,006*
Гнев ($\alpha=0,80$)	21,2 (5,8)	19,7 (4,0)	21,8 (6,3)	0,068
Враждебность ($\alpha=0,73$)	22,2 (5,9)	21,2 (5,0)	22,6 (6,2)	0,291
Агрессия ($\alpha=0,88$)	62,5 (14,7)	62,2 (11,0)	62,6 (16,0)	0,847
ТИЧ ($\alpha=0,72$)	5,5 (3,0)	5,3 (2,7)	5,6 (3,2)	0,632
ТОЧ ($\alpha=0,68$)	4,2 (2,3)	4,1 (2,3)	4,2 (2,4)	0,869
ВОМ ($\alpha=0,45$)	5,5 (2,5)	5,9 (2,6)	5,3 (2,4)	0,156
Алекситимия ($\alpha=0,72$)	15,1 (5,5)	15,2 (5,0)	15,1 (5,7)	0,677

Примечания: ТИЧ – трудности в идентификации чувств, ТОЧ – трудности с описанием чувств другим людям, ВОМ – внешне-ориентированный (экстернальный) тип мышления. * – $p < 0,01$.

Приложение 2

Регрессионные модели анализа медиации

Модели предикции	Параметры переменных-предикторов в регрессионных моделях				Параметры моделей	
	β (ст. ош. β)	b (ст. ош. b)	t	p	Статистика F	R ²
Модель 1 (шаг 1 анализа медиации): предиктор – слабое понимание собственного эмоционального опыта; зависимая переменная – агрессия	0,41 (0,08)	1,97 (0,37)	5,28	<0,001	F(1,138)=27,85, p<0,001	0,168
Модель 2 (шаг 2): предиктор – слабое понимание собственного эмоционального опыта (ТИЧ); зависимая переменная – неадаптивные стратегии РЭ	0,47 (0,08)	1,25 (0,20)	6,30	<0,001	F(1,138)=39,63, p<0,001	0,223
Модель 3 (шаг 3): предикторы – слабое понимание собственного эмоционального опыта (ТИЧ) и неадаптивные стратегии РЭ (НСРЭ); зависимая переменная – агрессия	ТИЧ 0,28 (0,09)	1,36 (0,41)	3,30	0,001	F(2,137)=19,87, p<0,001	0,225
	НСРЭ 0,27 (0,09)	0,49 (0,15)	3,17	0,002		

Примечание. ТИЧ – трудности в идентификации чувств, ст. ошибка – стандартная ошибка, β – стандартизированный коэффициент бета, b – нестандартизированный коэффициент b.